

РУКОВОДСТВО

для

СЕЛЬСКИХ ПЯСТЫРей.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на ~~~~~ Подписка принимается въ ре-
мѣстѣ четыре руб., съ пере- № 1. данціи сего журнала, при кіев-
сылкою пять р. с. ~~~~~ ской семинаріи.

1871 года. Января 3-го.

Содержание: Поученіе на новый годъ.—Общественная благотворительность
у древнихъ христіанъ.—Древне-русскій священникъ.—Русскіе народные
праздники съ ихъ обрядами.

ПОУЧЕНИЕ НА НОВЫЙ ГОДЪ

У насъ сегодня тройной праздникъ, братіе: Обрѣзаніе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, память святителя Василія Великаго и новый годъ. День знаменательный, торжественный! Въ назиданіе ваше объясню вамъ, что это за праздники и чѣмъ мы можемъ достойно чествовать ихъ.

Въ законѣ Божіемъ, по которому жили евреи, предписано было надѣть каждымъ младенцемъ—мальчикомъ, въ осьмой день по рожденіи, совершать священный обрядъ обрѣзанія, чтобы очистить и освятить его предъ Господомъ, предписано было новорожденному давать имя. По этому закону, и надѣть Богомладенцемъ Господомъ нашимъ совершень быль этотъ обрядъ, и нарекли Ему имя Іисусъ, которое предозвѣстилъ пресвятой Дѣвѣ Маріи архангель Гавріиль. Нынѣ осьмой день послѣ того, какъ мы праздновали Рождество Христово, а потому нынѣ и воспоминается обрѣзаніе Господа нашего

Іисуса Христа. Обрѣзывали еврейскихъ мальчиковъ для того, чтобы они были чисты, святы предъ Господомъ,—чрезъ то они ветунали въ завѣтъ съ Богомъ. Зачѣмъ же надъ Богомладенцемъ Господомъ, пречистымъ и всесвятымъ, исполненъ быль этотъ обрядъ? Онъ пришелъ на землю, родился ради нашего спасенія,—ради насъ же перенесъ Онъ и этотъ обрядъ. Онъ, по закону, вмѣненъ быль яко нечистый, дабы, удовлетворивъ за насъ правосудію Божію, отнять нашу грѣховную нечистоту. *Не вѣдѣвшаго бо грѣха, говорится въ словѣ Божіемъ, по насъ грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о Немъ* (2 Коринт. 5, 21), что значить: Того, Ето не зналъ грѣха, праведника Богъ содѣлъ грѣшникомъ, чтобы насъ грѣшниковъ содѣлать праведниками. Богомладенецъ Іисусъ подвергъ Себя закону обрядовому, чтобы насъ освободить отъ проклятія закона. *Егда же прииде кончина лѣта, говорится въ словѣ Божіемъ, послѣ Бога Сына своего единородного, рожденаго отъ жены, бываемаго подъ закономъ; да подзаконный искупитъ* (Галат. 4, 4), что значить: когда исполнилось время, когда пришла пора искупить родь человѣческій отъ грѣха, проклятія и смерти, послалъ Богъ Сына своего единороднаго, Который и родился отъ пресвятой Дѣви Маріи,—исполнилъ все, что требовалось по закону еврейскому, чтобы искупить всѣхъ бывшихъ подъ этимъ закономъ. Теперь у насъ нѣть плотскаго обрѣзанія; вмѣсто его, по закону Христову, мы принимаемъ святое крещеніе, чтобы быть намъ чистыми, святыми и чтобы избавиться отъ грѣха первороднаго, приблизиться къ Богу, получить царство небесное (Филип. 3, 3. Іоан. 3, 3—5). Такъ, ради празднуемаго нынѣ события, вспомнимъ, братъ, что и намъ, какъ только родились мы на свѣтѣ, нарекли имя, что-какъ надъ Богомладенцемъ Іисусомъ совершено было плотское обрѣзаніе, такъ и надъ нами совершено было духовное обрѣзаніе, т. е. таинство св. крещенія. Вспомнимъ

при этомъ, какіе обѣты давали за насъ воспріемники-отець и мать наши крестные. Мы отреклись-отказались отъ сатаны-виновника и служителя грѣху, отъ всѣхъ дѣлъ его, т. е. отъ всѣхъ грѣховъ его, и всѣхъ ангелъ его, т. е. служителей его-злыхъ духовъ, и всего служенія его, т. е. отъ службы діаволу, и всєя гордыни его, т. е. отъ діавольской гордости. Мы такъ говорили: отказываюсь, не хочу знать сатану, не буду дѣлать того, что онъ дѣлаетъ, не хочу знать и слугъ его діаволовъ, не буду служить ему, не буду и гордымъ, какъ онъ; презираю его, плюю на него. Отказавшись отъ сатаны, мы сочтвались Христу, уверовали въ Него, какъ Царя и Бога. А послѣ въ водѣ святаго крещенія силою Святаго Духа мы очистились отъ первороднаго грѣха, стали невинными, переродились, вступили въ новую жизнь. Припоминая все это, спросимъ, братіе, всякъ самъ себя: исполняемъ ли мы эти свои обѣты, презираемъ ли діавола и слугъ его, служимъ ли Господу, исповѣдуемъ ли святую вѣру, живемъ ли благочестиво-по закону Христову, какъ подобаетъ истиннымъ христіанамъ, или только называемся христіанами, носимъ имя христіанско, а живемъ не лучше нехристей, служимъ не Богу, а врагу нашему діаволу, находимся не въ благодатномъ союзѣ съ Богомъ, а въ дружбѣ съ тѣмъ же непримириимъ врагомъ. Если чувствуемъ за собою тотъ грѣхъ, что діаволу работаемъ болѣе, чѣмъ Богу: то ради сегодняшняго праздника отрезвимся и вспомнимъ, что мы воины Христовы и должны бороться со врагомъ, а не уступать, не служить ему, не слушаться его вражескихъ навѣтovъ. А ради праздника лукавый не преминеть подступить къ намъ съ искушеніемъ и иныѣ къ вечеру, съ прискорбiemъ придется пожалуй увидѣть, какъ многіе соблазнились его навѣтами; вѣдь многіе изъ васъ, въ этотъ день, какъ прежде бывало, бываютъ пьяны, многіе поютъ сквернословныя пѣсни, собира-

ются для пустыхъ разговоровъ и пересудовъ. Плохо-же мы помнимъ обѣты свои, данные при крещеніи, мало дорожимъ званіемъ и именемъ христіанскимъ.

Второй праздникъ-это память святителя Василія Великаго. Святитель этотъ былъ архіереемъ въ одной греческой области. *Великимъ* называется потому, что слишкомъ много потрудился для блага и на пользу Церкви Божіей, на пользу христіанъ православныхъ: жизнь онъ вель строго-благочестивую и въ уединеніи и на мѣстѣ службы своей, часто проповѣдывалъ слово Божіе, непрестанно боролся съ лжеучителями и на словахъ и на письмѣ, много написалъ толкованій на священное писаніе, написалъ уставы для монашествующихъ, много молитвъ, которыхъ и теперь читаются на службахъ Божіихъ, и написалъ божественную службу-литургію, или по просту, обѣдню, которая сохранилась и до нашего времени. За всѣ его такие подвиги и многополезные труды для Церкви Христовой, она, какъ любящая и благодарная ему мать, и торжествуетъ, прославляеть его память, а мы, какъ дѣти, послушаемся ея голоса и, съ нею вмѣстѣ, почтимъ празднествомъ, прославимъ великаго святителя. Вотъ сегодня, ради памяти его, и литургія отправлялась та, которую онъ написалъ и оставилъ намъ. Въ другіе дни обыкновенно отправляется литургія святителя Іоанна Златоустаго, а Василіева отправляется всего десять разъ въ году. Мы достойно почтимъ память великаго святителя, прославимъ его, если будемъ знать и помнить это, и на будущій годъ, въ этотъ день, съ большею охотою и любовію во время обѣдни помолимся Господу Богу, возблагодаримъ святителя, давшаго намъ ее, а также и въ другіе дни, когда она отправляется, о чемъ я скажу вамъ въ свое время. Нынѣ же, вмѣстѣ съ святою Церковью, воспоеемъ ему: »Во всю землю изыде вѣщаніе твое, яко пріемшую слово твое, имъ же богояльно поучалъ еси: естество сущихъ уяснилъ еси, человѣ-

ческія обычай украсилъ есії, царское священіе, преподобне отче, моли Христа Бога, счастися душамъ нашимъ» (Тропарь святит.). Тѣ же изъ васъ, братъ, кому Богъ судиль носить имя этого великаго святителя, достойно почтуть и отпразднуетъ память его, если прочитають или прослушають житіе его святое и сами, особливо сегодня, позаботятся подражать благочестивому житію его.

Третій праздникъ—это новый годъ. Старый прошелъ, съ сего дня начинается новый. Какъ же намъ чествовать, праздновать этотъ день? Не иначе и ничѣмъ другимъ, какъ усердною молитвою Господу Богу. Молитвою къ Богу мы начинаемъ обыкновеніо всякое дѣло: тѣмъ болѣе должны начать молитвою—предстоящій, цѣлый годъ. Чего, чего не можетъ случиться съ нами въ теченіи цѣлаго года; мы не можемъ знать, что ждетъ насъ,—годъ прожить, не поле перейти. Съ молитвою должны встрѣтить и въ молитвѣ проводить этотъ день. Сегодня мы должны молиться—благодарить Господа милосердаго за все, что сдѣлалъ для насть въ прошедшемъ году, и за добро и за худо; на все Его святая воля: было хорошо намъ, все было благополучно и въ семье и въ хозяйствѣ, Господь такъ далъ намъ, и благодареніе Ему милосердому. Худо что было намъ, въ семье болѣзни, въ хозяйствѣ неудачи, тоже Господь такъ далъ намъ, и роптать на Него не нужно,—Онъ всеблагий знаетъ, чтоб дѣлаетъ съ нами. Сегодня мы должны молиться—усердно, со слезами просить Господа, чтобы и въ наступившемъ году помогалъ намъ во всемъ, далъ намъ здоровье, въ дѣлахъ нашихъ успѣхъ, и, что всего важнѣе, простиль прегрѣщенія наши и не лишилъ насть своей всесильной помощи въ дѣлѣ нашего спасенія,—ибо безъ Него—сами по себѣ мы ничего не сдѣляемъ. А такъ ли, молитвою ли встрѣчали вы вчера новый годъ? Нѣть; молодые занимались гаданьемъ, а старые смотрѣли на это, какъ на дѣло Богу не противное.

Зачѣмъ эти гаданья? Узнать судьбу свою?... Боже мой, — до чего допускаете вы дѣтей своихъ отцы и матери-христіане православные! Кому служать дѣти ваши, занимаясь гаданьемъ? Богу или діаволу? У кого они пытаются судьбу свою? Не у Бога, — нѣтъ. Онъ въ мерзкихъ гаданьяхъ не откроетъ ничего. Въ словѣ Божиємъ *мерзкимъ* называется всякий гадатель и чародѣй (Второз. 18, 9-12). Объ одномъ царѣ израильскомъ, еще до Рождества Христова жившемъ, — звали его Охозію, — известно, что когда въ тяжкой своей болѣзни онъ вздумалъ поворожить о своемъ выздоровленьї, — за эту самую вину не получилъ выздоровленія и вскорѣ умеръ (4 Цар. 1, 2-17). Діаволу служать ваши дѣти, у него пытаются свою судьбу, свою долю. Грѣшно, беззаконно такъ поступать! Кто можетъ знать что либо, какъ намъ придется жить въ новомъ году, что ждетъ насть, кто-кромѣ одного Бога? И развѣ нѣтъ у насть мѣста, где бы узнать Его святую волю, где умолить Его, чтобы отвратилъ все худое и не лишилъ насть своей богатой милости? Храмъ Божій, где Господь невидимо присутствуетъ, лучшее и надежнѣйшее мѣсто, где въ общей молитвѣ можно обращаться ко Господу, а не перекрестки на улицахъ, не столь, не изба, не проруби рѣкъ; и не при смыкѣ, шуткахъ и пустыхъ разговорахъ нужно узнавать Божію волю и испрашивать Его милость, молить Господа о своемъ жребіѣ, о своей долѣ, а при божественномъ служеніи, въ молитвахъ и сердечномъ сокрушеніи о грѣхахъ. Не только дѣти ваши, да и вы сами родители не прибѣгаете ли къ гаданью, ворожбѣ въ этотъ святой вечеръ, желая знать, что ждетъ васъ въ наступающемъ году — жизнь или смерть, урожай хлѣба или неурожай. Такъ богоопротивно, мерзко встрѣчаютъ дѣти ваши, а иногда и сами вы, новый годъ; а какъ будете проводить нынѣшній день — вы отцы и матери »бѣсновавшихся«¹⁾, по словамъ

¹⁾ Бесѣд. св. І. Златоуст. на 1 посл. къ коринѳ. 12-я, стр. 212.

одного святаго отца, вчера вашихъ дѣтей? Дай Богъ, чтобы не было ни пьянства, ни шумныхъ, срамословныхъ пѣсней, ни сходищъ для пустыхъ, скверныхъ разговоровъ и пересудовъ! Будемъ молить Господа, чтобы не допустилъ насть до безчинія, пустословія, да не оскорбимъ Его святаго имени, да не обезчестимъ святаго, всерадостнаго дня, - и да не прогнѣвается на насть Отець нашъ небесный. Вотъ послѣ обѣдни будеть служиться молебенъ съ колѣнопреклоненiemъ. Мать наша Церковь призываетъ насть нынѣ къ усиленной молитвѣ, она указываетъ намъ, о чёмъ нужно сегодня молиться; она велитъ намъ, какъ услышите, благодарить Господа за благодѣянія, изліянія на насть въ прошедшее лѣто, и просить Его благословить наступающій годъ. Послушаемся ея материнскаго гласа, какъ добрыя, благопокорныя дѣти слушаютъ своей матери.

Итакъ, братъ, видите, какой нынѣ знаменательный, великий день, - три праздника сошлись разомъ; видите, какъ нужно осторегаться, чтобы не прогнѣвить Господа худымъ словомъ, беззаконнымъ, богопротивнымъ дѣломъ. Святой день и проводить нужно свято, не въ гулянья, не въ пѣсняхъ, играхъ, а въ молитвѣ, добрыхъ мысляхъ и дѣлахъ. Отъ нынѣшняго дня будеть зависѣть цѣлый годъ. Начните его добромъ, по-христіански; сдѣлайте себѣ праздникъ, но праздникъ и для души, а не для одного тѣла. Христосъ же истинный Богъ нашъ, насть ради претерпѣвый нынѣ обрѣзаніе, по молитвамъ воспоминаемаго нынѣ святителя Василія, будеть нашимъ помощникомъ во всякомъ благомъ и полезному для насть начинаніи и въ сей день и во весь годъ, помидауетъ и спасетъ насть яко благъ и человѣколюбецъ. Аминь.

С. Б. Ц.

ОБЩЕСТВЕННАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ У ДРЕВНИХЪ ХРИСТИАНЪ¹⁾.

Благотворительность составляла одну изъ первыхъ и главныхъ добродѣтелей древнихъ христіанъ. Духъ любви, сообщенный Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ своимъ ученикамъ и апостоламъ, вполиѣ отразился и на ихъ первыхъ послѣдователяхъ. О Церкви іерусалимской сказано: *народу впровавшему бѣ сердце и душа едина* (Дѣян. 4, 32). Тоже надоびно сказать и о всѣхъ христіанахъ древней Церкви. Ни отдаленность мѣста, ни смутное время, ни трудность обстоятельствъ—ничто не удерживаетъ ихъ заботиться о своихъ близкихъ, и особенно близкихъ по вѣрѣ. Не было несчастнаго, котораго бы они не призрѣли и которому бы не доставили пріюта, одежды и т. под.; не было темницъ, столько крѣпкихъ и неприступныхъ, куда бы не проникала ихъ сострадательная любовь,—не было узъ, столь тяжкихъ, которыхъ бы она не облегчала. Язычникъ Лукіанъ, изображая христіанина, уважаемаго въ Церкви за свою мудрость, благочестіе, и за имя Христово ввергнутаго въ тем-

¹⁾ Настоящая статья,—въ виду открывающихся при церквяхъ приходскихъ попечительствъ, цѣль которыхъ, кромѣ заботъ о благоустройствѣ и благосостояніи приходского храма Божія, обѣзпеченіи церковнаго причта, о распространеніи грамотности въ приходѣ, имѣть попеченіе и о бѣдныхъ, больныхъ, престарѣлыхъ, убогихъ, безпріютныхъ людяхъ прихода, устроить больницы, богоадѣльни въ приходѣ, погребать умершихъ въ нищетѣ,—имѣть тотъ интересъ для сельскихъ паstryрей, что ясно представляеть то, на кого и въ какихъ размѣрахъ простиравалось попечительство древней христіанской Церкви, дающеее намъ образецъ достойнаго подражанія, и каковъ былъ духъ общественной благотворительности древнихъ христіанъ, всецѣло проникнутыхъ тѣмъ высокимъ чувствомъ любви и сострадательности къ бѣднымъ, которое ничего не щадить для пользы и благосостоянія своего ближняго. Ред.

ницу, хотя находитъ случай, издѣваться надъ щедростю и усердиемъ христіанъ, съ какими они служать нуждамъ исповѣдника, но тѣмъ не менѣе ясно изображаетъ истину. Вотъ его слова: »съ разсвѣтомъ дня толпы христіанскихъ жень, вдовъ и сиротъ, окружающихъ двери его (исповѣдника) темницы, а иѣкоторые, подкупая стражу, проводятъ съ нимъ всю ночь. Для услажденія его темничнаго заключенія они устроютъ у него вечери и сокращаютъ время въ благочестивыхъ бесѣдахъ¹). Особено удивительны любовь и состраданіе древнихъ христіанъ къ несчастнымъ братіямъ своимъ во время общественныхъ бѣдствій. Діонисій александрійскій, говоря о сильной опустошительной заразѣ, свирѣпствовавшей въ сѣверной Африкѣ въ правленіе Галла, о христіанахъ своей Церкви пишетъ: »большая часть изъ нашихъ братій, въ полнотѣ любви, не щадили себя, взаимно пеклись другъ о другѣ, безъ опасенія ходили за больными, охотно служили имъ ради Христа, велико-душно жертвовали своею жизнью. Многіе лучшіе изъ братій-пресвитеры, діаконы и міряне кончили такимъ образомъ свою жизнь. Многіе носили тѣла братій на своихъ рукахъ и на своей груди, закрывали имъ очи и уста, погребали ихъ со всею заботливостію, а потомъ и сами за ними послѣдовали во гробъ²). Такова вообще была любовь древнихъ христіанъ къ своимъ несчастнымъ братіямъ. Тотъ же духъ любви и сострадательности къ неимущимъ и нуждающимся выражался въ частности-собственно въ общественной ихъ благотворительности, какъ увидимъ изъ болѣе подробнаго изслѣдованія оной.

Розсматривая же общественную благотворительность древнихъ христіанъ, мы обратимъ вниманіе на слѣдующіе вопросы: I) о какихъ бѣдныхъ лицахъ преимущественно заботились древніе христіане, II) какія были употребляемы ими средства къ облегченію бѣдности и наконецъ III) какой существовалъ образъ управлія общественною благотворительностью?

¹) Жизнь Перегрина. ²) Евсев. Церк. Ист. кн. VIII, гл. 22.

· I) *О каких же бѣдныхъ лицахъ преимущественно заботилась древняя Церковь христіанская?*

Церковь пеклась о бѣдныхъ всякаго возраста, пола, званія и состоянія. Но бѣдными не считались тѣ, которые могли трудиться: поелику таковы, какъ сказано въ »Постановленіяхъ Апостольскихъ«,¹⁾ въ состояніи были не только содержать сами себя, но и другимъ бѣднымъ подавать пособіе. Въ особенности древняя Церковь христіанская заботилась о сиротахъ, вдовахъ, престарѣлыхъ, больныхъ, мученикахъ, исповѣдникахъ, путешественникахъ, чужестранцахъ, плѣнныхъ, умершихъ въ бѣдности и тому подобныхъ несчастныхъ.

Въ »Постановленіяхъ Апостольскихъ«²⁾ епископу (у которого обыкновенно находились деньги, собираемые Церковью на содержаніе неимущихъ) повелѣвается имѣть особенное понеченіе о пропитаніи бѣдныхъ, чтобы никто изъ нихъ ни въ чемъ не нуждался: повелѣвается »заступать мѣсто отцевъ для сиротъ и заботиться о вдовахъ; оказывать вс поможеніе дряхлымъ и немощнымъ; давать кровь прищельцамъ; питать алчущихъ и жаждущихъ, одѣвать нагихъ; посѣщать больныхъ; оказывать пособіе заключеннымъ въ темницѣ«. Тѣхъ же лицъ, пользующихся общественнымъ содержаніемъ Церкви, перечисляютъ Густинъ мученикъ и Тертулліанъ. Первый въ своей апологіи къ императору Антонину пишетъ: »у насъ болѣе достаточные и желающіе люди, кто сколько благоразсудить, доставляютъ на вс поможеніе, и собираемое такимъ образомъ хранится у настоятеля, и онъ изъ того помогаетъ сиротамъ, вдовицамъ и тѣмъ, которые по болѣзни или другой какой нибудь причинѣ бѣдны, также узникамъ, страннымъ и прищельцамъ, и вообще печется о всѣхъ нуждающихся«³⁾. Послѣдній въ своемъ защитительномъ

¹⁾ Книга II, гл. 4. ²⁾ Книга IV, гл. 2.

³⁾ Аполог. II, стр. 98.

словъ за христіанъ противъ язычниковъ говоритьъ: »сіе (принесимое христіанами въ общую церковную кассу) издерживается не на пиры, не на пьянство, не на обывадѣніе неблагодарное, но на пропитаніе и погребеніе бѣдныхъ, на содержаніе бѣдныхъ и сиротствующихъ дѣтей обоего пола, также престарѣлыхъ, претерпѣвшихъ кораблекрушеніе, находящихся въ рудокопияхъ, въ заточеніи или подъ стражею за дѣло Божіе« ¹⁾.

Въ частности, тотъ же Тертулліаль, обращаясь къ мученикамъ и исповѣдникамъ, пишеть: »развѣ духъ вашъ въ темницѣ не пріобрѣтаетъ гораздо болѣе того, сколько лишается тѣло? Да тѣло не лишается ничего необходимаго испеченіемъ Церкви и пламенною любовью братьевъ« ²⁾. Св. Епіріанъ въ письмѣ къ пресвитерамъ и діаконамъ своей Церкви просить ихъ, чтобы они »не растрачивали совершенно той суммы, которую нужно употреблять на исповѣдывавшихъ Господа въ темницѣ и другихъ бѣдныхъ и нуждающихся«. Амвросій упоминаетъ о плаѣнныхъ и другихъ изгнаникахъ. Къ языческому консулу въ Римѣ онъ пишеть: »имущество нашихъ Церквей гораздо болѣе, нежели издержки на бѣдныхъ. Но пусть язычники сочтутъ, много ли плаѣнныхъ они выкупили на богатства своихъ храмовъ? Много ли бѣдныхъ они содержали? Многимъ ли изгнаннымъ они посыпали средства для содержанія« ³⁾. Такимъ образомъ древняя Церковь Христова, какъ мать, нѣжно заботящаяся о дѣтяхъ своихъ, принялъ на себя дѣло общественной благотворительности, была питательницею и кормильницею всѣхъ несчастныхъ и требующихъ помощи. Находимъ примѣры, что даже несостоятельный должники иногда прибѣгали къ Церкви, и она, если знала, что въ семъ дѣлѣ нѣтъ никакого обмана, помогала имъ. Такъ Августинъ однажды просилъ свою Церковь, чтобы она собрала деньги и помогла одному

¹⁾ Аполог. гл. 39. ²⁾ Книга къ мучен. гл. 2:

³⁾ Еп. V. письмо 32 противъ Симмаха.

христіанину, который впалъ въ большиe долги. Когда этого сбора было недостаточно, то взято было изъ общей церковной кассы. Забота древней Церкви о бѣдныхъ простиралась еще далѣе; ея благотворительность не ограничивалась только вѣрующими членами своими, — нерѣдко пользовались ею и невѣрные. Сократъ разсказываетъ объ одномъ предстоятельѣ (еп. Аттикусѣ), что онъ посыпая (пресв. Катлопію) 300 золотыхъ монетъ для раздачи бѣднымъ далъ при этомъ слѣдующій достопримѣчательный совѣтъ: «ты не долженъ брать во вниманіе религию, но думать только о томъ, какъ бы накормить алчущихъ и не оставлять тѣхъ, которые не согласны съ нами въ религіи» ¹⁾.

II) *Какія средства къ облегченію бѣдныхъ были употребляемы древнею Церковью христіанскою?*

Смотря по тому, каково было внѣшнее состояніе древней Церкви Христовой, и средства, употребляемыя ею на содержаніе бѣдныхъ, были различны. Такъ въ Церкви апостольской было въ обыкновеніи *общеніе имущества*. Когда же Церковь Христова начала расширяться въ своихъ внѣшнихъ предѣлахъ и обыкновеніе имѣть все общимъ—сдѣлалось труднымъ; тогда пастыри христіанскіе постановили имѣть при Церквяхъ особыя *кассы* для содержанія бѣдныхъ, и призывать сихъ послѣднихъ къ *общественнымъ столамъ* во время вечерей любви и во дни мучениковъ. Съ принятіемъ христіанской вѣры императорами и по прекращеніи гоненій, въ IV вѣкѣ, Церковь начала учреждать для бѣдныхъ *общественныя благотворительныя заведенія*—больницы, богадѣльни, страннопріимные дома и тому подобныя заведенія. Разсмотримъ всѣ эти роды общественной благотворительности древней Церкви отдельно.

1) *Общеніе имущества*. Въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ читаемъ, что апостолы и всѣ вѣрующіе апостольской Церкви

¹⁾ Сократ. Цер. Ист. VII, гл. 25.

были одушевлены такою любовию другъ къ другу, такимъ снисхожденiemъ къ бѣствующимъ собратіямъ, что »у многочисленнаго общества вѣрующихъ было одно сердце и одна душа, и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все было у нихъ общее, и великая благодать была на всѣхъ ихъ. Не было между ними никакого бѣднаго; ибо всѣ владѣльцы помѣстьевъ или домовъ, продавая оные, приносили цѣну проданнаго, и полагами къ ногамъ апостоловъ,- и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду«. (Дѣян. 4, 32—35). Такимъ образомъ видимъ, что въ Церкви апостольской вѣрующіе всѣ были на общемъ изживеніи, обращая всѣ свои имущества въ деньги, кои апостолы, а въ послѣдствіи семь діаконовъ (Дѣян. 6, 3—6), раздавали каждому, смотря по его нуждамъ, съ такою вѣрностю и благоразуміемъ, что между ними вовсе не было бѣдныхъ.

Главною причиною такой общительности у первыхъ христіанъ была любовь, дѣлавшая ихъ всѣхъ братьями и соединявшая какъ бы во единное семейство, гдѣ всѣ дѣти пользуются одними благами, подъ надзоромъ отца, который, питая ко всѣмъ равную любовь, не допускаетъ, чтобы они терпѣли нужду. Они твердо помнили заповѣдь о взаимной любви, которую Иисусъ Христосъ повторялъ столько разъ, особенно въ навечеріи своего страданія, когда Онъ изрекъ даже, что по сей любви должно будть распознавать Его учениковъ (Іоан. 13, 35). Спаситель заповѣдалъ ученикамъ своимъ отреченіе отъ всякой собственности. Они хотѣли выполнить сіе повелѣніе не только въ расположеніи сердца, но и на самомъ дѣлѣ, послѣдя совѣту: *аще хощени со- вершенъ быти, иди продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ: и имѣти имаши сокровище на небеси: и гряди въ сладѣ Мене* (Мате. 19, 21).

Введенію общенія имуществъ между первыми христіанами

могли содѣйствовать и слѣдующія обстоятельства. Въроятніе знали, что въ іудейской церкви и государствѣ скоро произойдутъ горестныя перемѣны. Самъ Іисусъ Христосъ предрѣкъ о семъ иѣкоторымъ изъ учениковъ своихъ (Мате. 24 гл.); а они безъ сомнѣнія не преминули сообщить своимъ соученикамъ о сомнительномъ положеніи дѣлъ іудейскаго народа. При такомъ ожиданіи они не могли дорожить своими стяженіями и помѣстьями, находившимися въ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ. »Если не намъ самимъ, могли они думать, то нашимъ дѣтямъ придется лишиться стяженій. Не лучше ли, не благоразумнѣе ли употребить ихъ съ большою пользою во славу Мессіи, на вспоможенія Его исповѣдникамъ? Судьбы промысла неизмѣнны: государству, столицѣ и храму суждено погибнуть!« Вѣра въ Іисуса Христа очистила отъ предразсудковъ умъ Его почитателей: о іудейской религіи они не такъ думали, какъ фарисеи и саддукеи. Тѣ и другіе все еще ожидали освободителя Іудеи отъ римской власти, возстановителя богооправленія, отъ которого они надѣялись получить себѣ однимъ славу и блаженство. Напротивъ истинные ученики Іисуса Христа знали, что Іерусалиму нечего было ожидать кромѣ того, что предсказалъ ему Господь на масличной горѣ, и еще прежде того (Лук. 19, 43. 44). Сія мысль дѣлала ихъ равнодушными ко всемъ времененнымъ, ненадежнымъ благамъ. Посему имѣвшіе помѣстья или дома и тому подобное, безъ сожалѣнія продавали оные, и вырученныя деньги отдавали апостоламъ, дабы они по своему усмотрѣнію употребляли ихъ на нужды вѣрующихъ.

Долго ли въ Церкви сохранялось обыкновеніе имѣть все общее, неизвѣстно. Равно трудно показать и то, было ли сіе обыкновеніе въ употреблениіи у Церквей, основанныхъ изъ язычниковъ. По крайней мѣрѣ въ отношеніи къ общественной благотворительности, писатели II и III вѣковъ,

умалчивая объ общемении имуществъ, упоминаютъ о другихъ болѣе употребительныхъ въ Церкви ихъ времени способахъ содержанія бѣдныхъ. Сюда принадлежать

2) Общественные кассы для бѣдныхъ, учреждавшіяся при Церквяхъ. Объ этихъ кассахъ упоминаетъ Тертулліанъ, различая мѣсячные и недѣльные сборы. Онъ пишетъ къ язычникамъ: »Предстоятелями у насть отличные старцы. Чести сей они удостоиваются не за деньги, а по единогласному одобренію всей Церкви. И общественная касса, которую мы имѣемъ, состоить у насть не изъ вкладовъ, которые вносятся отъ членовъ, принимаемыхъ въ общество, какъ будто бы религія покупалась за деньги, но каждый изъ насъ вносить туда что нибудь разъ въ мѣсяцъ, или когда угодно, разумѣется, если хочетъ и можетъ: ибо никого не принуждаютъ, но всякъ подаетъ по доброй волѣ. Сие подаяніе есть какъ бы залогъ благочестія; ибо оно издерживается не на пиры, не на пьянство, не на обѣяденіе неблагодарное, но на пропитаніе и погребеніе бѣдныхъ, на содержаніе бѣдныхъ и сиротствующихъ дѣтей обоего пола, также престарѣлыхъ«, и проч. Объ этихъ же кассахъ упоминаютъ Іустинъ мученикъ¹⁾ и св. Кипріанъ²⁾.

Изъ исторіи древней Церкви видно, что сумма, собиравшаяся Церковію на содержаніе бѣдныхъ, была довольно значительна. Такъ римская церковь при папѣ Корниліѣ (около 250 г.) содержала болѣе полуторы тысячи нищихъ³⁾. Кромѣ того, во времена гоненій, отсылали большія пожертвованія областнымъ Церквамъ, терпѣвшимъ нужду, и исповѣдникамъ, осужденнымъ на рудокопіи⁴⁾. Златоустъ объ антіохійской Церкви говоритъ, что она ежедневно отѣвала

¹⁾ Аполог. II. ²⁾ Письмо IV-е.

³⁾ Евсев. Цер. Ист. кн. VI, гл. 43. ⁴⁾ Евсев. Цер. Ист. кн. IV, гл. 23.

и питала до трехъ тысячъ вдовъ, дѣвицъ, чужестранцевъ, больныхъ и т. п. ¹⁾.

ДРЕВНЕ-РУССКИЙ СВЯЩЕННИКЪ.

Духовенство въ Россіи, по принятіи св. княземъ Владіміромъ христіанской вѣры, на первыхъ порахъ состояло изъ грековъ и, вѣроятно, южныхъ славянъ-болгаръ и моравовъ, почему одни изъ первыхъ священниковъ, діаконовъ и причетниковъ назывались *царичинными*, какъ пришедшие съ греческаго царевною Анною, другие—*корсунскими*, потому что прибыли изъ Корсуня ²⁾). Явившись въ новой, необразованной странѣ, эти первые представители и служители христіанской религіи должны были занять особое положеніе въ русскомъ обществѣ и стать въ извѣстныя отношенія къ правительству и народу. Какъ же опредѣлить это положеніе и эти отношенія? Принявши христіанскую вѣру изъ Греціи, русское правительство и народъ тѣмъ самыемъ обязывались уже дать представителямъ новопринятой религіи такое же религіозно-нравственное значеніе, какое они имѣни въ своей христіанской странѣ; значитъ, тутъ нечего было трудиться надъ опредѣленіемъ того, какое положеніе въ обществѣ должны занять эти новые члены: какъ было въ Греціи, такъ должно быть и въ Россіи. А такое или иное положеніе въ обществѣ опредѣляетъ уже и отношенія къ нему, отношенія, съ одной стороны, къ высшей правительственной власти, а съ другой, къ низшимъ членамъ общества. Но это только

¹⁾) Бесѣд. 66. на Мате. по рус. пер. ч. III, стр. 141.

²⁾) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. I, стр. 50—51; III, стр. 207; Описан. Кіево-Софійскаго собора и кіевской іерархіи, митрополита Евгенія, стр. 60 (изд. 1825 г.); Исторія Рус. Церкви, преосв. Макарія, т. I, стр. 28—29 (изд. 1857 г.).

одна сторона. Религіозно-нравственное значение представителей и служителей христіанской религіи въ Россіи опредѣляло только ихъ религіозно-нравственные обязанности къ новому обществу. Но Россія была новою страною для христіанскихъ пастырей и служителей религіи, новою не потому только, что она недавно приняла вѣру во Христа-Спасителя, но и по своему административному строю и бытовой сторонѣ народной жизни. Въ Греціи пастыри Церкви имѣли дѣло съ народомъ и родившимся и воспитаннымъ въ христіанствѣ, въ Россіи имъ предстоялъ еще великий трудъ обратить ко Христу многое множество закоренѣлыхъ язычниковъ, или искоренять языческие нравы, обычаи и вѣрованія въ обществахъ недавно принявшихъ крещеніе русскихъ христіанъ; съ другой стороны, сравнительно съ нашими предками, принявшими христіанство, греческій народъ стоялъ на весьма высокой степени цивилизациі, положеніе и отношение духовныхъ, какъ членовъ государства, опредѣлены были на основаніи долгой исторической практики и приспособлены къ условіямъ государственной и народной жизни; следовательно, незвѣя было перенести все это цѣликомъ на русскую почву. Вотъ почему мы и видимъ, что св. Владіміръ даетъ духовенству уставъ, въ которомъ опредѣляется пространство церковнаго суда и вмѣстѣ съ тѣмъ-юридическое отношеніе высшихъ іерарховъ къ низшему духовенству и мірянамъ, т. е. опредѣляется государственное значеніе этихъ іерарховъ и опредѣляется не во всѣхъ отношеніяхъ одинаково съ греческими номоканонами ¹⁾). Впослѣдствіи, Ярославъ дополняетъ и точнѣе опредѣляетъ этотъ уставъ своего отца; значитъ, государственное положеніе и отношенія христіанского духовен-

¹⁾ О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Великаго, ^{дѣльца профессора Неволина} — въ Журналѣ Минист. Народн. Провед. БІЕЛГОРОДСКОГО 1847 г. №. LV и LVI.

ства въ Россіи должны были опредѣлиться примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ страны и степени цивилизаціи русскаго народа. Такимъ образомъ русское духовенство на первыхъ же порахъ непремѣнно должно было получить и получило особое положеніе, опредѣлявшее его церковно-юридическая, государственная отношенія къ новому обществу,—положеніе нѣсколько отличное отъ того, какое занимало духовенство въ Греціи ¹⁾). Съ теченіемъ времени, въ рядахъ этого духовенства стали появляться и *русские* ²⁾), особенно между священниками, діаконами и причетниками ³⁾), такъ что скоро эти должности *исключительно* стали заниматься русскими, приготовленными для своего служенія въ новооснованныхъ св. Владиміромъ и Ярославомъ христіанскихъ училищахъ. И чѣмъ болѣе распространялось христіанство въ различныхъ областяхъ русскаго царства, тѣмъ болѣе-и-болѣе увеличивалась численность духовенства, тѣмъ болѣе сближался народъ съ нимъ и подчинялся его вліянію. Кто же изъ духовенства ближе всего стоялъ къ народу, особенно къ низшимъ классамъ общества? Мѣсто это занимало всегда бѣлое духовенство ⁴⁾), первый членъ котораго священникъ. На этомъ то членѣ мы и остановимся и постараемся изобразить его, какъ служителя Церкви, религіозно-нравственнаго представителя общества и члена государства,—изобразить на основаніи тѣхъ историческихъ данныхъ, какія заключаются въ литературныхъ памятникахъ отечественной

¹⁾ Тамъ же, ч. LV. ²⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣтоп. I, 67.

³⁾ Опис. Киево-Соф. собора, стр. 60; Истор. Рус. Церкви, преосв. Мак., т. I, стр. 28. ⁴⁾ Хотя наши знаменитые миссіонеры были изъ монашествующихъ и они естественно ближе всего стояли къ новообращеннымъ ими въ христіанство язычникамъ, но это только на первыхъ порахъ, пока, т. е., образовалась христ. община; какъ скоро же она образовалась, тамъ явилось бѣлое духовенство и вступило въ самыя близкія отношенія къ народу.

старины, дошедшихъ до нашего времени. Изслѣдованіе свое мы ограничимъ первыми тремя вѣками русской Церкви.

1) *Различные названія священника; значение этихъ названій и обязанности его, выражаемыя самымъ значеніемъ названій.*

Въ лѣтописяхъ и другихъ литературныхъ памятникахъ первыхъ вѣковъ христіанства въ Россіи встрѣчаются различные названія священника: попъ¹⁾, попинъ или попынъ,²⁾ пресвитерь³⁾, іерей⁴⁾, протопопъ⁵⁾ и, наконецъ, просто священникъ⁶⁾ и святитель Божій⁷⁾; отсюда: попадья⁸⁾, поповичъ⁹⁾, поповъ внукъ¹⁰⁾, поповскій¹¹⁾, святительскій¹²⁾ чинъ, санъ и проч. Названія эти выражаютъ собою особыя обязанности священника и его отношенія къ мірянамъ. Такъ слово »попъ« происходитъ отъ греческаго *παππος-* дѣдъ, отецъ, и выражаетъ то, что священникъ есть духовный отецъ пасомыхъ имъ мірянъ; следовательно, обязанъ руководить и наставлять ихъ на путь спасенія съ любовью, какъ отецъ своихъ дѣтей. Названіе это—весьма древнее. Еще въ III вѣкѣ папами называли иногда на востокѣ именно епископовъ; въ VI, VII и VIII в. на западѣ—

¹⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 47. 50. 51. 66. 67. 70. 106. 149; II, 2. 4. 64. 82. 94; III, 9. 10... ²⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 75; II, 3. 26; III, 22. 213. ³⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 66. 80. 81; II, 23. 152; IX, 64; Жит. преп. Феод. Печерскаго въ чтеціяхъ Имп. Общ. Ист. и Древ. Россійскихъ за 1858 г. м. юль-сент. ⁴⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 102; III, 19. 75. ⁵⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт. III, 94. 229. Жит. Аврамія Смоленскаго. Пр. Собр. 1858, ч. III, стр. 385. ⁶⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт. III, 211. 229. ⁷⁾ Житіе Феод. Печер. и Авр. Смол. въ указ. изд. ⁸⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 111; Уставы Владимира и Ярослава въ описаніи Кіево-Соф. собора. ⁹⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 199. 219. ¹⁰⁾ II. С. Р. Л. II, 179. ¹¹⁾ Тамъ же I, 129. 185. ¹²⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 128. 151. 152.

также епископовъ, пока имя это не сдѣлалось исключительною принадлежностью одного римскаго епископа. По словамъ ученаго Гоара, между греческими назнаніями *παπᾶς* и *πάπιας* находится то различіе, что первое усвоилось *собственно* епископамъ, а послѣднее пресвитерамъ и даже клирикамъ¹⁾. Константинъ Порфиродный, при описаніи церемоніи по случаю принесенія честнаго креста 1 августа, употребляетъ назнанія *παπῖας* и *πρωτοπάπιας*, усвоемыя имъ тѣмъ духовнымъ лицамъ, которые теперь у насъ называются священниками и протоиереями²⁾). Славяне, принявшиѣ очень рано христіанство, долгое время называли священниковъ *папами* или, выговаривая тверже, *попами*. Но когда на западѣ папою стали исключительно называть римскаго епископа, славяне, принявшиѣ впослѣдствіи римско-католическое исповѣданіе, высшее свое духовенство называли папами, низшее попами³⁾), пока, наконецъ, это послѣднее назнаніе не было замѣнено латинскими и національными именами. Наши древніе литературные памятники не представляютъ ни одного примѣра, изъ котораго бы видно было, что и у насъ высшее духовенство, митрополита и епископовъ, называли иногда *папами*; но низшее, священниковъ, чаще всего, называли попами и соединяли съ этимъ словомъ то именно значеніе, какое оно имѣло по своему словообразовству. На нихъ-поповъ-всегда смотрѣли всѣ русскіе христіане, какъ на отцевъ духовныхъ, которые имѣютъ власть вязать и рѣшить, которые должны учить своихъ пасомыхъ всему добруму во спасеніе души. Въ такомъ значеніи употребляется это слово и нынѣ въ нашемъ народѣ.—Названіе »попинъ« или »попынинъ« есть из-

¹⁾ Исторія Хр. въ Россіи до Владимира Макарія 304.

²⁾ Corpus scriptorum Historiae Bisantinae, lib II, cap. 8, изд. 1829 въ Боннѣ.

³⁾ Исторія первобытной христіанской Церкви у Славянъ, Мачеевскаго (перев. Орестъ Евецкій. Варшава. 1840), стр. 168—170.

мѣненіе того же слова »*попъ*«, что видно ужѣ изъ того, что это названіе прилагается *только* къ священникамъ; но крайней мѣрѣ, основываясь на лѣтописныхъ указаніяхъ ¹⁾, нельзя его отнести къ низшимъ членамъ клира. Самое измѣненіе совершилось незамѣтно, отъ частаго употребленія слова *попъ*, каковой судѣй подвергались и подвергаются и другія слова и названія; значитъ, *попинъ* или *попынинъ* происходитъ отъ того же греческаго корня, какъ и название *попъ* и съ нимъ-названіемъ попинъ-руssкіе христіане первыхъ вѣковъ соединяли такое же значеніе, какъ и съ послѣднимъ, т. е. съ названіемъ попъ, только гораздо рѣже употребляли его, чѣмъ послѣдніе. Название »протопопъ« состоитъ изъ двухъ словъ: *πρῶτος* первый, передній, преимущественный, и *παππος* отецъ, и означаетъ перваго, старшаго, начальствующаго священника, по всей вѣроятности тоже, что у Константина Порфиороднаго *πρωτοπάππος*. Такое значеніе дѣйствительно усвоется этому названію нашими старинными литературными памятниками; напр., когда въ Новгородѣ добровольно оставилъ архіерейскую каѳедру Алексѣй, новгородцы избрали трехъ кандидатовъ, положили ихъ жребіи на престолѣ софійскаго храма, за тѣмъ соборомъ іеревѣ была отправлена литургія, послѣ которой протопопъ вынесъ два жребія, а третій остался на престолѣ, что и означало избраніе Божіе во епископа того кандидата, которому принадлежалъ этотъ жребій ²⁾). Очевидно, протопопъ

¹⁾ Пол. Собр. Рус. Лѣт. II, 3; III, 22. 213.

²⁾ П. С. Р. Л. III, 94. Хотя этотъ фактъ относится къ XIV в., но нѣть никакихъ основаній утверждать, чтобы название протопопъ съ такимъ значеніемъ по отношению къ другимъ священникамъ явилось только въ этомъ вѣкѣ. Если Микулица владимирскій и не названъ прямо въ лѣтописи протопопомъ, то, по всѣмъ соображеніямъ, онъ имѣлъ это званіе. Притомъ въ житіи Авраамія Смоленскаго, написанномъ въ XIII в. употребляется название

въ этомъ случаѣ былъ первымъ лицемъ, являлся старшимъ, начальственнымъ священникомъ. Съ такимъ же точно значеніемъ является и Микулица, ходившій въ ризахъ, съ иконою Богоматери, по улицамъ города Владимира и усмирявшій грабителей, по убієніи князя Андрея Боголюбскаго. Онъ же потомъ, какъ старшее, начальственное лицо, собиралъ всѣхъ городскихъ священниковъ, для встречи мертваго тѣла князя ¹⁾)

Такимъ образомъ выходитъ, что протопопъ въ древней Руси, — какъ и въ новой до послѣдняго почти времени, — имѣлъ такое же значеніе, какъ нынѣшній протоіерей, соединяющій съ этимъ титломъ и должность благочиннаго. Название «пресвитеръ» происходитъ отъ греческаго глагола *πρεσβεύω*, что значить: я старѣе, самый старшій есмь, чту, уважаю, предпочитаю, имѣю преимущество, владычествую; обладаю; от суда *πρεσβυτης* — старый, старецъ, почтенный, достойный уваженія, *πρεσβυτερος* — старѣйшій, старѣйшина. Такое значеніе слова пресвитеръ само собою указываетъ на положеніе въ обществѣ лица съ этимъ названіемъ. И исторія христіанской Церкви свидѣтельствуетъ, что первенствующіе христіане, называя своихъ пастырей *пресвитерами*, не иначе понимали это название, какъ въ томъ именно смыслѣ, какой соединялся съ нимъ по самому значенію слова. Пресвитеръ былъ старѣйшимъ, или старѣйшиною въ христіанской общинѣ, къ которому члены ея относились съ полнымъ уваженіемъ и почтеніемъ, слушались его совѣтовъ и наставлений и повиновались ему; кромѣ того пресвитеры въ первые три вѣка христіанской эры участвовали вмѣстѣ съ епископомъ въ

протопопъ, съ усвоеніемъ ему значенія старѣйшаго, или старшаго между священниками; значитъ, название это было известно и употребительно и гораздо раньше XIV в. Пр. Соб. 1858, ч. III, 385.

¹⁾ И. С. Р. Л. II, 115.

управлениі Церковю, почему Оригенъ и Евсевій называютъ ихъ *коепископами, сопредстоятелями, сослужителями и братіями*, а Кипріанъ и себя самаго называетъ пресви-теромъ ¹⁾). Вслѣдствіе такого высокаго значенія, въ пресви-теры избирались *по преимуществу* лица *пожилыхъ лѣтъ*, добродѣтельной и благочестивой жизни, хорошо знающіе хри-стіанское ученіе. Въ такомъ значеніи название пресвитеръ перешло вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою и въ наше отечество. Указывая на положеніе священника въ обществѣ или, частнѣе, небольшой общинѣ или приходѣ, название это указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на его обязанности, обязанности такого же рода, какія соединяются и съ названіемъ *попъ*. Какъ старѣйшина общины и притомъ старѣйшина не мірской, а духовный, священникъ само собою обязанъ руководить и наставлять членовъ общины на путь спасенія, путь добро-дѣтели, наставлять съ любовию и кротостію, какъ свойствен-но отцу духовному. Вотъ почему и въ нашихъ древнихъ литературныхъ памятникахъ названія: *попъ* и *пресвитеръ* усвояются однимъ и тѣмъ же лицамъ—священнослужителямъ, съ усвоеніемъ имъ одинаковыхъ священническихъ обязанно-стей; напр., о Ярославѣ Мудромъ говорится въ Лаврентіевской лѣтописи: »и ины церкви,—кромъ Софійской,—ставляше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя *попы*, и дая имъ отъ имѣнія своего урокъ, веля имъ учiti люди, понеже тѣмъ есть поручено Богомъ, и приходити часто къ церквамъ; и умножишаися *пресвитеры* ²⁾), т. е. попы, священники. Прес-витерамъ приписываются тѣже обязанности, какъ и попамъ ³⁾). Название »іерей« тоже греческое. Оно происходит отъ гла-

¹⁾) Церковн. Исторія архим. Иннокентія, ч. I, стр. 109.

²⁾) II. С. Р. Л. I, 66. ³⁾) Житіе препод. Феодосія Печерскаго въ член. Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. за 1858 г. м. м. іюль—сент. сн. II. С. Р. Л. 1, 50.

гола ієре́й, означающаго: совершаю священиослуженіе, священствую, приношу жертвы, закалываю жертвы; отсюда существительное ієре́й значить священиодѣйствующій, приносящій жертвы; священникъ, жрецъ. Такимъ образомъ, название это указываетъ на особое право священника-отправлять божественные службы, совершать таинства и приносить жертвы, а это само собою опредѣляетъ и его положение или его религиозно-нравственные отношения къ мірянамъ. Какъ совершающій божественные службы и приносящій Богу жертвы не за себя одного, а за всѣхъ христіанъ, іерей является посредникомъ между Богомъ и людьми, вѣщателемъ и толкователемъ Божественной воли народу, воли, открытой и сообщенной Самимъ Господомъ въ Его святомъ Откровеніи и неизмѣнно сохраняемой Его св. Церковю. Значить, и въ этомъ случаѣ, священникъ является и старѣйшиною христіанской общины, обязаннымъ руководить ее на путь спасенія, сообразно съ волею Божиєю, и отцемъ духовнымъ, на которомъ лежитъ священный долгъ ходатайствовать предъ Богомъ за своихъ духовныхъ чадъ, молиться о нихъ, приносить за нихъ безкровныя жертвы.—»Священникъ« есть простое замѣненіе предыдущаго названія »іерей« отечественнымъ словомъ, иначе-переводъ греческаго слова на русскій языкъ. Въ этомъ названіи (священникъ) характеристично выражается особое значение священника, какъ лица освященнаго благодатию Божиєю, лица, слѣдовательно, избраннаго для особеннаго служенія Богу, отдѣленнаго отъ другихъ членовъ общества. Наконецъ, название »святитель Божій« опять указываетъ на особенную важность и значение священника, на его особенное служеніе Богу, не опредѣляя, впрочемъ, самаго рода этого служенія. Называя священниковъ святителями Божіими, наши книжные предки выражали этимъ свое особенное уваженіе и почтеніе къ священному сану.

Итакъ, сводя въ одно значенія всѣхъ названій священника, употреблявшихся въ первые вѣка христіанства въ Россіи, можно сдѣлать такое заключеніе: наши предки смотрѣли, какъ и слѣдуетъ смотрѣть, на священника, какъ на лицѣ особеннаго, избраннаго и освященнаго Божественною благодатію для особеннаго, духовнаго служенія Богу, лицѣ, имѣющемъ власть вязать и рѣшившемъ своихъ духовныхъ чадъ, обязанное возвѣщать имъ волю Божію, наставлять, учить, совершать священнодѣйствія, молиться о спасеніи ихъ, —лицѣ, слѣдовательно, старѣйшее или старшее въ духовномъ отношеніи, которое должно любить, уважать и слушать. Что касается того, какое изъ названій священника употреблялось по преимуществу чаще всего; то, основываясь на древнѣйшихъ лѣтописяхъ и другихъ литературныхъ памятникахъ нашей старинны, можно вѣрно заключать, что название *попъ* болѣе и чаще всего употреблялось нашими предками первыхъ вѣковъ христіанства въ Россіи.

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ СЪ ИХЪ ОБРЯДАМИ.

Въ предыдущей статьѣ¹⁾, насколько позволяли намъ предѣлы журнальной статьи, мы ознакомились съ главными основаніями нашего народнаго календаря. Это знакомство, представляя ясную характеристику народнаго міровоззрѣнія, даетъ намъ вѣрный ключъ къ уразумѣнію его проявленій въ народныхъ праздникахъ съ ихъ обрядами. Понятіе о годѣ и его временахъ, названія мѣсяцевъ и дней--все это, какъ мы видѣли, образовалось у нашихъ предковъ подъ живымъ впечатлѣніемъ на ихъ духъ явлений виѣшней природы. Ви-

¹⁾ См. № 48—й 1870 г.

димая природа положила свою неизгладимую печать на весь строй ихъ умственной, нравственной и практической жизни. Ея указаниями они руководились въ распределеніи своихъ домашнихъ занятій и полевыхъ трудовъ; къ ней же прислушивались и присматривались, когда думали объ отдыхѣ и празднествахъ. Не трубами и особаго рода глашатаями возвѣщались у насъ въ древности дни праздничные и времена всеобщаго отдыха, какъ это было у евреевъ, грековъ, римлянъ и др.;—но знаменіями видимой природы, за которыми съ особеннымъ вниманіемъ наблюдалъ каждый изъ нашихъ предковъ. Всѣ моменты важныхъ перемѣнъ въ видимой природѣ, ясно отмѣченныя въ народномъ календарѣ, были освящены религіозно-обрядовыми дѣйствіями,—составляли предметъ народнаго празднства. Поэтому распределеніе народныхъ праздниковъ по днямъ не есть дѣло произвольно-выдуманное нашимъ народомъ, но естественное и необходимое примѣненіе къ своему быту наблюденій его надъ видимою природою. Чтобъ въ извѣстное время поражало его въ видимой природѣ, тѣ онъ старался выражать и въ своей религіозной обрядности. Каждый праздникъ былъ строго пріуроченъ къ извѣстному времени, какъ символическое его выраженіе, и онъ могъ совершаться только въ извѣстное опредѣленное время; во всякое же другое время года онъ терялъ свой смыслъ. Въ каждомъ празднике свои обряды, свои символическія пѣсни и увеселенія. Со временеми введенія у насъ христіанства наши древне-народные праздники и ихъ обряды подверглись весьма важнымъ измѣненіямъ. Но строгое пріуроченіе ихъ къ извѣстному времени доселе остается почти тоже самое, что и въ дохристіанскія времена. Народъ передвигалъ свои праздники съ одного времени на другое только въ томъ случаѣ, если это ему необходимо было для уясненія смысла христіанского праздника и не отрывало ихъ вполнѣ отъ времени, къ которому они были пріурочены. Въ противномъ

случаѣ, народный праздникъ прямо смыщивался съ чертами того христіанскаго праздника, который приходился по греческому календарю. Такимъ образомъ настоящее распределеніе народныхъ праздниковъ по днямъ-дѣло далеко не случайное. Есть глубокое основаніе, по которому нашъ народъ празднуетъ напр. коляду именно въ декабрѣ, а не раньше и не позже, семикъ-въ маѣ, купалу-въ юнѣ и пр. Слѣдовательно знакомство съ характеромъ народнаго календаря, по которому строго распределены праздники народные, представляетъ вѣрный шагъ къ объясненію смысла послѣднихъ,— это, какъ мы выше выразились, ключь къ правильному ихъ пониманію.

Основаніемъ для распределенія нашихъ народныхъ праздниковъ служатъ знаменія видимой природы, которые указываютъ на оживленіе или замирание ея творческихъ силъ. Весною и лѣтомъ, осенью и зимою совершаются въ народѣ совершенно различныя празднества, вполнѣ соответствующія характеру времени и тѣхъ явлений природы, влиянию которыхъ особенно подвергается человѣкъ въ каждое изъ четырехъ временъ года. Отсюда и самая основная мысль нашихъ народныхъ праздниковъ—это смерть природы зимою и оживленіе ея лѣтомъ. Такъ какъ наши народные праздники и по своему календарному распределенію и по основной мысли указываютъ на известное отношеніе земли къ солнцу, отъ которого зависитъ оживленіе или замирание силъ природы, то поэтому и мы исходнымъ пунктомъ своихъ изслѣдований о народныхъ праздникахъ принимаемъ движение земли вокругъ солнца.

Съ 10-го декабря, какъ известно, солнце поворачивается съ зимы на лѣто, т. е. наше полушаріе начинаетъ постепенно поворачиваться къ солнцу и приближаться къ животворному дѣйствію его лучей. Народъ нашъ хотя и былъ совершенно незнакомъ съ астрономіей, однако со всею точ-

ностію отмѣтилъ это явленіе въ своемъ календарѣ, подъ 12-мъ декабря, назвавши этотъ день солоно-воротомъ и по-воротникомъ. Отсюда и въ практической жизни 12-е декабря имѣло у нашего народа важное значеніе, достаточно объясняющее народный взглядъ на самое явленіе—на поворотъ солнца, какъ на радостное и священное событие. Такъ сохранился разсказъ, что будто бы даже въ XVI и XVII вѣкахъ звонарный староста московскаго успенскаго собора два раза въ году обязанъ былъ являться предъ царскія очи: 12 декабря—съ докладомъ, что »отселъ возвратъ солнцу съ зимы на лѣто, день прибываетъ, и нощь умаляется«, и за такую радостную вѣсть государь жаловалъ ему 24 серебряныхъ рубля; 12-же іюня являлся съ докладомъ, что »отселъ возвратъ солнцу съ лѣта на зиму, день умаляется, а нощь прибываетъ«, за это печальное извѣстіе старосту запирали на 24 часа въ темную и холодную каморку на Ивановской колокольни ¹⁾). Хотя этотъ разсказъ не подтверждается вполнѣ историческими документами, и особенно—дворцовыми расходными книгами, въ которыхъ записывалась всякая царская награда, а обѣ этой и помину нѣтъ въ нихъ; но тѣмъ не менѣе онъ ясно характеризуетъ народный взглядъ на физическое явленіе, совершившееся 10-го декабря. Оно составило событие настолько важное въ глазахъ уже христіанскаго народа, что обѣ немъ нужно было формально докладывать царю, и настолько—радостнымъ, что докладчику выдавалась по тогдашимъ временамъ очень щедрая награда. Такъ смотрѣлъ нашъ народъ на поворотъ солнца съ зимы на лѣто еще въ XVI и XVII вв.; какое же впечатлѣніе это явленіе природы должно было производить на него въ дохристіанское время? Солнце, по воззрѣнію нашихъ предковъ—язычниковъ, не простое свѣтило дня, а живое воплощеніе

¹⁾) Иллюстрація 1847 г. 253—4 стр., Сахар. II, 66—67.

божественнай, все животворящей силы, даже въ иѣкоторомъ смыслѣ-самое божество. Въ его отношеніяхъ къ землѣ они видѣли не простое дѣйствіе физического закона, а борьбу бога свѣта и жизни съ божествомъ мрака и смерти. Когда наступали самые короткіе дни и самыя долгія и темныя ночи въ году, они думали, что Марена (зима)-богиня мрака и смерти-побѣдила солнце, которое ослабѣло и одряхлѣло, утратило свою лучезарность и готовится умереть, т. е. потускнуть, погаснуть. Но вотъ 12-го декабря совершается кризисъ въ природѣ. Удалившееся было отъ нашего полушарія солнце снова къ намъ возвращается, и съ нимъ вмѣстѣ возвращается къ намъ свѣтъ и жизнь. Съ этого дня зарождается борьба съ мракомъ и смертю, на этотъ разъ уже побѣдоносная для солнца, какъ органа божественной животворной силы. И чѣмъ идетъ время дальше, тѣмъ замѣтнѣе становятся плоды побѣдоносной борьбы бога свѣта и жизни съ тьмою и смертію. Дни начинаютъ прибывать, а солнце-пригрѣвать и животворить. Къ новому году день, по русской пословицѣ, прибавляется на куриный шагъ или гусиную лапу, а къ началу февраля лучи солнечные уже нагрѣваютъ у коровы одинъ бокъ, отчего и самый мѣсяцъ февраль у насъ въ простонароды называется бокогрѣемъ ¹⁾). Въ этомъ переходѣ отъ постепенной утраты къ постепенному возрастанію свѣтоносной и животворной силы солнца предки наши видѣли его нарожденіе или возрожденіе. Отсюда и самый кругъ луннаго движенія, наступающій послѣ поворота солница съ зимы на лѣто и соотвѣтствующій нашему январю, доселѣ называется у насъ въ народѣ-просинецъ-отъ просіяти, а у болгаръ-коложегъ, т. е. мѣсяцъ возженія солнечнаго колеса. Понятія-возженіе и просіяніе равносильны въ поэтической рѣчи-пробужденію, возстанію отъ смерти,

¹⁾) Послов. Даи 970, 1002; Сахар. II, 8—9.

воскресенію. Что же касается до самаго дня, въ который совершаются кризисъ природы, происходитъ поворотъ солнца съ зимы на лѣто, то онъ быль священнымъ и торжественнымъ днемъ въ глазахъ нашихъ предковъ язычниковъ; это быль день нарожденія бога-солнца и вмѣстѣ освобожденія изъ оковъ мрака и смерти творческихъ силъ природы. Такимъ днемъ для нашихъ предковъ-язычниковъ и было 12-е декабря.

На особенно важное религіозное значеніе этого дня въ глазахъ нашихъ предковъ указываетъ, съ одной стороны, то обстоятельство, что онъ ясно отмѣченъ въ народномъ календарѣ, а съ другой—съ нимъ соединены миѳического характера народныя повѣрья. По русскому повѣрю какъ на Ивана Купала солнце выѣзжаетъ въ колесницѣ на серебряномъ, золотомъ и алмазномъ коняхъ, такъ и 12-го декабря—оно, наряженное въ праздничный сарафанъ и какошникъ, садится въ телѣгу и направляетъ своихъ коней на лѣтнюю дорогу¹). Въ некоторыхъ мѣстностяхъ Россіи доселѣ удержалось обыкновеніе раскладывать по берегамъ рѣкъ костры въ ночь на 12-е декабря. Надо полагать, что въ этотъ-же день—12-го декабря предки наши совершали свой первый въ году торжественный языческій праздникъ, доселѣ известный у насъ на Руси подъ именемъ Коляды. Доказательства этому представляютъ сохранившіяся до насъ древнія колядки—пѣсни, которыя пѣлись на колиду. Въ нихъ вообще прославляется выѣздъ солнца на лѣто; а въ одной пѣсни прямо употреблены такія выраженія: ѿхала коляда въ малѣваномъ возочку на вороненѣкомъ конечку²). Въ московской губерніи до позднѣйшихъ временъ существовалъ обычай возить на саняхъ коляду, которую представляла дѣвушка, одѣтая въ бѣлую рубашку³). И пѣсни коляды и обычай москвичей указы-

¹⁾ Сахар. II, 68—69 стр. ²⁾ Вѣстн. Русск. Геогр. общ. 1853 г. VI, 98 стр. ³⁾ Сахар. II, 69—70.

ваютъ на древнѣйшее миѳическое повѣрье о выѣздѣ солнца, которое было пріурочено именно къ 12-му декабря; значитъ и самый праздникъ возженію или нарожденію солнца, который извѣстенъ у насъ подъ именемъ коляды, совершился въ древности 12-го декабря.

По введеніи же у насъ христіанства, въ концѣ декабря стали праздновать Рождество нашего Спасителя. Въ церковныхъ пѣсняхъ, какъ на Рождество Христово, такъ и въ другіе дни, Спаситель нашъ неоднократно сравнивается съ солнцемъ; онъ прямо называется »Праведнымъ Солнцемъ, пришедшемъ съ востока«. На Руси довольно распространенья такой обычай-во время обѣда, на родинахъ или крестинахъ, когда подаютъ кашу-символъ плодородія, поютъ слѣдующій тропарь: »Радуйся, благодатная Богородице Дѣво! изъ Тебе бо возсія Солнце правды-Христосъ Богъ нашъ«. Предки наши, будучи не въ состояніи на первыхъ порахъ понимать существо новой вѣры, остановились на ея видѣности, на обрядахъ и словахъ, и на основаніи простаго сходства словъ и образовъ старались сближать свои прежнія понятія и воззрѣнія съ содержаніемъ новой вѣры. И такимъ образомъ выработывали новыя понятія и образы полу-христіанскіе и полу-языческіе. Не отказываясь сразу отъ завѣтнаго стараго и въ тоже время искренно стремясь усвоить себѣ новое, нашъ народъ свой древній праздникъ рождающемся солнцу пріурочилъ къ рождественскимъ святкамъ; въ обрядовой пѣсни, которая теперь поется на коляду, прямо говорится, что колада нарождается на канунѣ Рождества¹⁾. Когда же праздникъ нового года перенесенъ былъ у насъ съ первого сентября на первое января, то мысль о нарождающемся новомъ годѣ весьма удачно совпала съ древнимъ миѳомъ о рождениіи солнца и пробужденіи силъ природы;

¹⁾ Сахар. II, 70. Терещ. VII, 57.

а потому обычай праздновать коляду въ рождественскія святки еще болѣе укрѣпился въ нашемъ народѣ. Это перенесеніе народнаго праздника съ 12 на 24 или вообще на послѣднія числа декабря было особенно возможно потому, что праздникъ «коляды» при совпаденіи съ христіанскими святками не терялъ своего прежняго смысла; физическое явленіе, котораго символическимъ выраженіемъ служитъ коляды-именно прибыль свѣта и тепла послѣ поворота солнца съ зими на лѣто, въ теченіи всего декабря продолжаетъ совершаться незамѣтно, и какъ бы таинственно, и потому празднованіе этого радостнаго события въ видимой природѣ могло одинаково совершаться и 12 и 25 числа декабря. Между тѣмъ чрезъ сближеніе своего древняго съ христіанскимъ праздникомъ народъ достигалъ двухъ цѣлей: удерживалъ и даже какъ бы узаконялъ для себя завѣтную старину и въ тоже время, при помощи своихъ собственныхъ средствъ, выработывалъ себѣ понятіе о празднествѣ новой религіи, все болѣе и болѣе проникавшей въ его жизнь.

Но не смотря на указанное сходство или безразличіе во времени празднованія коляды въ языческія и христіанскія времена, этотъ народный праздникъ потерпѣлъ существенныя измѣненія послѣ сближенія его съ праздникомъ Рождества Христова. Онъ уже утратилъ черты грубаго языческаго представленія; его наружность — пѣсни и обряды подчинились сильному вліянію христіанства и успѣхамъ общественной цивилизаціи. Современные колядки представляютъ смѣсь понятныхъ для народа христіанскихъ выражений съ такими понятіями и образами, которые совсѣмъ уже потеряли для народа свой прежній миѳическій смыслъ, напр. слова-«ѣхала коляды въ малѣваномъ возочку на ворономъ конечку». Равнымъ образомъ, многіе обряды, прежде бывшие священными въ глазахъ нашихъ предковъ-язычниковъ, теперь обратились въ одну формальность или же получили совершенно другое значеніе. Такъ напр. прежній язычески-священный обрядъ—разводить въ праздникъ коляды огонь въ домѣ или на полѣ, зажигать костры или нарочно приготовленные колоды, сжигать чучело и пр., въ настоящее время перешелъ въ простое обыкновеніе зажигать илошки или смолянныя бочки во время утреннѣхъ въ день Рождества Христова. Въ Малороссіи же этотъ древній обрядъ обратился въ пустой предразсудокъ; крестьяне, въ теченіи всѣхъ рож-

дественскихъ святочъ, не выметаютъ сора изъ хатъ, и, собравши его большую кучу, выносятъ въ садъ на новый годъ, и въ присутствіи всей семьи зажигаютъ; иѣкоторые же цѣлый годъ собираютъ соръ въ своихъ избахъ, и затѣмъ на канунѣ Рождества Христова торжественно сожигаютъ его на дворѣ, или въ саду. Предразсудокъ этотъ совершается съ тою увѣренностью, что деревья отъ дѣйствія на нихъ рождественского или новогодняго огня принесутъ вкусные и обильные плоды¹⁾). Вообще древне-языческій нашъ праздникъ рождающемуся солнцу, известный теперь у насъ подъ именемъ *коляды*, во многомъ и существенно измѣнился въ слѣдствіе соединенія его съ рождественскими святками; но въ свою очередь и христіанскій праздникъ »Рождество Христово« также подвергся вліянію народнаго праздника-коляды.

Подъ вліяніемъ послѣдняго христіанскій праздникъ пріобрѣлъ въ народной жизни и сознаніи важныя и существенные стороны, которыя выдѣляютъ его изъ ряда другихъ двунадесятыхъ церковныхъ праздниковъ. Русскій народъ въ эти дни отдается празднству, со всѣми его проявленіями, широко и свободно, и этотъ народный характеръ пріобрѣли святки въ сознаніи и практикѣ нашего народа конечно не потому, чтобы онъ понималъ догматическую сторону христіанскаго праздника. Если бы христіанско сознаніе значенія праздника Рождества Христова лежало въ основѣ народнаго торжества, то тогда бы самое это торжество получило совершенно другой церковно-религіозный характеръ, — какъ напр. на Крещеніе, Пасху и др. Но въ русскихъ рождественскихъ святкахъ этого не видно; въ нихъ напротивъ явно преобладаетъ элементъ національной мысли и жизни. Русскія святки скорѣе выражаютъ собою остатокъ старой семейной жизни, тотъ веселый разгуль народа, который когда-то волновалъ русскія сердца, который пережилъ критическія события внутренней и внешней жизни народа, и который доселе свято имъ соблюдается. Нѣтъ никакой возможности съ точностью опредѣлить время, когда усвоились русской жизни святки въ ихъ настоящей завѣтино-національной формѣ. Они у насъ современны принятію самого христіанства. И наши рождественскія святки въ томъ видѣ,

¹⁾ Сах. II, 53. и III—75. Терещ. VII, 60.

какъ ихъ понимаетъ и празднуетъ народъ нашъ, представляютъ наглядную смѣсь древнихъ народно-религіозныхъ воззрѣй съ новыми христіанскими понятіями; это именно и есть результатъ взаимодѣйствія народнаго праздника коляды съ христіанскимъ событиемъ и праздникомъ Рождества Христова.

Что же именно въ народномъ празднованіи святоѣ сохранилось отъ дохристіанскихъ временъ и представляетъ остатокъ языческихъ воззрѣй, и что изъ христіанского праздника, измѣнившись и утративши свой строго-христіанской смыслъ подъ влияниемъ народной мысли, вошло въ составъ народнаго празднества? Какія воззрѣнія соединяеть нашъ народъ съ самыми рождественскими святыми и въ какихъ обрядахъ ихъ выражаетъ?

Мы уже говорили, что древне-языческій праздникъ, пріуроченный къ Рождству Христову и вообще-къ рождественскимъ святымъ, у насъ извѣстенъ подъ именемъ коляды. Что такое коляды? Какой смыслъ этого названія и откуда оно взялось въ нашемъ языкѣ? Съ первого роза для всякаго понятно, что слово это не русское, и это вполнѣ подтверждаетъ филологія. Наши ученые, занимавшіеся этимъ вопросомъ, представляютъ самыя разнообразныя объясненія слова коляды. Такъ г. Гедеоновъ сближаетъ коляду съ греческимъ *καλος* *μεծ*, и объясняетъ такъ, что слово коляды означаетъ хороший (санный) путь, который всегда устанавливается на Руси въ концѣ декабря¹⁾; г. Щепкинъ въ словѣ *коляды* видѣтъ два-кол и Ѣдъ-Ѣда, значитъ по нашему вокругъ Ѣдущій, или круговая Ѣда; слово колъ также онъ производить отъ *коло*-*кутья*, которая составляетъ непремѣнное блюдо во время круговой семейной Ѣды на канунѣ Рождества Христова²⁾; г. Безсоновъ слово коляды производить отъ колода, которая сожигалась у нѣкоторыхъ славянъ и теперь сожигается на канунѣ Рождества Христова³⁾. Сахаровъ, Снѣгиревъ и др. въ словѣ коляды видятъ сокращеніе Коло и Лада, а сокращеніе ко-ладу, ко-ляду; это по ихъ мнѣнію праздникъ въ честь богини Лады. Но Лада есть миѳическое олицетвореніе лѣта, и праздники ей посвященные совершаются лѣтомъ, а не зимою. Не входя въ раз-

¹⁾ Зап. Ак. Наукъ 1862 г., II, кн. 2, 137 стр. ²⁾ Русск. басносл. II, 64 стр. ³⁾ Калѣк. перех. IV, 46 стр.

борь какъ приведеныхъ, такъ и другихъ подобныхъ же остроумныхъ объясненій слова »коляда«, замѣтимъ вообще, что все они основаны главнымъ образомъ на созвучіи словъ и исторически не оправдываются. Слово »коляда« всего естественнѣе произвести отъ латинскаго *calenda*. Слово *calenda*, по объясненію Коппа, прежде всего означало первое число въ каждомъ мѣсяцѣ, затѣмъ оно употреблялось для обозначенія цѣлаго порядка дней, такъ называемыхъ колендъ-съ 14-го предыдущаго по 1-е послѣдующаго мѣсяца. Со временемъ же Юлія Цезаря словомъ *calenda* по преимуществу стали называть январскіе коленды съ 14-го декабря по 1-е января. Въ средніе вѣка, по свидѣтельству того же Коппа, слово *calenda* перешло въ название святочныхъ игрищъ, и у всѣхъ почти западныхъ народовъ святки и игры носятъ название колендъ-француз. *chalendes*, нѣмецк. *kaland* и пр. ¹⁾). Въ нашемъ языкѣ слово *calenda* появилось тоже неранѣе средніхъ вѣковъ и пришло къ намъ изъ Греціи вмѣстѣ съ календаремъ и отреченными книгами. По законамъ образованія славянскаго языка латинское *calenda* у насъ измѣнилось въ коляду. Доказательствомъ этому служитъ слѣдующее мѣсто изъ Кормчей Книги, гдѣ, послѣ постановленія о запрещеніи колядскихъ обрядовъ, говорится такъ: »коланди суть первые въ коемждо мѣсяци дніе, въ нихъ же обычай бѣ елиномъ творити жертвы, и въ также евруманія елинистіи бѣаху праздници.... возбраняютъ (т. е. нравила соборовъ) крестьяномъ таковая творити... и не повелѣваютъ мужемъ облачатися въ женскія ризы, ни женамъ въ мужскія.... яже нынѣ творять селяне, несвѣдуще что творять«.... ²⁾). Изъ всего сказанного выходитъ такое заключеніе: слово коляда не русское, перешло къ намъ изъ Византіи послѣ введенія у насъ христіанства и сначала оно употреблялось въ томъ самомъ смыслѣ, какой оно имѣло въ латинскомъ календарѣ со временемъ Юлія Цезаря, т. е. употреблялось для обозначенія январскихъ колендъ-съ 14-го декабря по 1-е января. Подъ вліяніемъ народной фантазіи, отвлеченнное понятіе »коляда« получило реальное значеніе, сдѣлалось въ глазахъ народа миѳическимъ существомъ, особеннаго рода божествомъ, которое народъ нашъ, по своей простотѣ, прославлялъ въ пѣсняхъ и ублажалъ въ обрядахъ. Итакъ коляда русское наз-

¹⁾ Римск. Древн. Кон. II, 53., Средн. Вѣк. Гринев. 56 стр.

²⁾ Истор. христ. Буслаев. 382—3 стр.

вание народного празднества, образовавшагося изъ смѣшения остатковъ древне-языческаго празднества рождающемся солицу съ христіанскимъ праздникомъ Рождеству нашего Спасителя, или вообще, подъ колядою разумѣются наши народные рождественскія святки.

Рождественскія святки, какъ извѣстно, сопровождаются въ народѣ символическими обрядами, которые до чрезвычайности разнообразны. Наше языческое богослуженіе до самаго паденія своего не успѣло возвыситься до общественнаго культа; оно было по преимуществу дѣломъ частнымъ, семейнымъ. Съ такимъ же характеромъ его остатки перешли и въ христіанскую эпоху. Семейная замкнутость, отсутствіе всякой публичности составляетъ отличительную черту и настоящихъ народныхъ праздниковъ и ихъ обрядовъ. Въ особенности это нужно сказать о нашихъ святкахъ. Въ каждомъ городѣ, даже въ каждой деревнѣ для святокъ есть свои доморошенные обряды, которые такъ или иначе выражаютъ оттѣнки мѣстной народно-религіозной жизни. Этотъ семейный характеръ народно-религіозной жизни съ одной стороны породилъ множество вариантовъ одного и того же праздничнаго обряда, а съ другой-онъ служить главною основою прочности и широты развитія религіознаго чувства въ нашемъ народѣ. Религія и семейный очагъ, а на высшей ступени-Церковь и отечество союзно крѣпнутъ и развиваются въ нашемъ народѣ по мѣрѣ развитія его физическихъ и нравственныхъ силъ. Патріотизмъ и религіозность у насъ наживаются именно въ семье, а не въ общественныхъ учрежденіяхъ, какъ у другихъ европейскихъ народовъ.-Мы не имѣли возможности ознакомиться со всѣми мѣстными вариантами нашихъ святочныхъ обрядовъ, и должны ограничиться болѣе или менѣе общими ихъ чертами. Но чтобы избѣгнуть всякихъ односторонностей и имѣть всѣ даннныя при объясненіи внутренняго смысла нашихъ народныхъ святочныхъ обрядовъ, мы, кромѣ русскихъ, разсмотримъ болѣе важные святочные обряды и у другихъ одно-племенныхъ съ ними народовъ, именно у задунайскихъ славянъ-сербовъ, болгаръ и др., и у карпато-россовъ-русскихъ-живущихъ въ Карпатскихъ горахъ.

II. Посинъловъ.